

Андрей Россомахин

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН
a-romaha@yandex.ru

Andrey Rossomakhin

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
a-romaha@yandex.ru

КАК СДЕЛАН «СЮЖЕТ ВПОТЬМАХ»
(К ПРОБЛЕМЕ ОТМЕНЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

HOW IS MADE “PLOT IN THE GLOOM”
(TO THE PROBLEM OF THE RUSSIAN LITERATURE’S
CANCELATION)

Статья посвящена разбору стихотворения Игоря Иртеньева «Сюжет впотьмах» (1989): оно представляет собой автореференциальный текст, имитирующий процесс своего создания. Но одновременно стихотворение, содержащее следы речевой повседневности и эффектное коллажирование аллюзий к хрестоматийным произведениям литературных классиков, подрывает весь пафос литературности и, по сути, обнуляет ее. Лексические повторы и кольцевая композиция остроумно репрезентируют хождение по замкнутому кругу, топтание на месте, блуждание в потемках — что может быть спроецировано на социокультурную ситуацию позднесоветской эпохи и «брежневское поколение» андеграунда. В качестве прямых формальных аналогов маленького шедевра Иртеньева акцентированы стихотворения Сергея Михалкова (1958) и Даниила Хармса (1936).

Ключевые слова: Игорь Иртеньев, интертекст, пародия, инверсии цитат, Даниил Хармс.

The article is devoted to the analysis of Igor Irtenyev’s poem “Plot in the Gloom” (1989): it is an autoreferential text imitating the process of its creation. But at the same time, the poem, which contains the traces of everyday speech and a spectacular collage of allusions to textbook works of literary classics, undermines all the pathos of literariness and, in fact, nullifies it. Lexical repetitions and circular composition wittingly represent walking in a vicious circle, stomping in place, wandering in the dark — which can be projected onto the socio-cultural situation of the late Soviet era and the “Brezhnev generation” of the underground. Poems by Sergei Mikhalkov (1958) and Daniil Kharms (1936) are emphasized as direct formal analogues of Irtenyev’s small masterpiece.

Key words: Igor Irtenyev, intertext, parody, quote inversions, Daniil Kharms.

СЮЖЕТ ВПОТЬМАХ

	Какая ночь, едрит твою!	А
	Черней Ремарка обелиска,	В
	Стоит звезда, склонившись низко	В
4	У бездны мрачной на краю.	А
	Звезда стоит... А что Ремарк?	С
	Он пиво пьет, поскольку немец.	Д
	При чем тут пиво?.. Вечер темец...	Д
8	Уже теплей... Пустынный парк	С
	Спит, как сурок, без задних ног,	Е
	Тот, от которого Бетховен	Ф
	Никак отделаться не мог,	Е
12	Поскольку не был бездуховен,	Ф
	Не то, что нынешние мы...	Г
	Но тут опять отход от темы,	Н
	От темы ночи... темы тьмы...	Г
16	Никак в проклятой темноте мы	Н
	Повествование загнать	І
	Не можем в заданное русло...	Ј
	Ах, отчего душе так грустно	Ј
20	Рукой усталой окунать	І
	Перо в чернильницыно лоно?..	К
	Опять знакомо все до стога...	К
	Как там? «...волшебницыных уст».	L
24	Там вроде все куда-то плыли...	M
	По направленью к Свану... Или	M
	В том направленьи плавал Пруст?..	L
	Марсельцы не забудут Пруста,	Ј
28	Который чуть не сбился с курса	Ј
	ВКП(б), что Верном был,	N
	Пока компас не подложил	N
	Ему в топор один предатель,	O
32	Но, к счастью, видел все Создатель,	O
	И тот потом недолго жил.	N
	Короче ночь... чем день зимой...	P
	Зимой короче день, а летом	Q
36	Короче ночь... Но, боже мой,	P
	Не проще ль написать об этом,	Q
	Сюжет направив в колею,	A
	Куда-то сносит все с которой	R
40	Рукой уверенной и скорой:	R
	«Какая ночь, едрит твою!»	A

1.

Игорь Иртенъев (родился в 1947) — поэт-иронист, начавший публиковаться с 1979 года, а в 1986 году вошедший в Клуб «Поэзия» — объединение круга московских неподцензурных поэтов поколения 30/40-летних. Среди членов Клуба были в том числе Владимир Аристов, Сергей Гандлевский, Александр Еременко, Нина Искренко, Тимур Кибиров, Света Литвак, Алексей Паршиков, Владимир Строчков, Владимир Тучков, Лев Рубинштейн, Татьяна Щербина, а также Дмитрий Александрович Пригов. Считается, что Клуб прекратил существование в 1995 году, со смертью его неформального лидера Нины Искренко.

Иртенъев автор более двадцати поэтических сборников, член Русского Пен-центра, лауреат ряда литературных премий. Мы попытаемся рассмотреть как сделано стихотворение «Сюжет впотьмах» (1989), вошедшее в его второй поэтический сборник *Попытка к тексту* (М., 1989)¹. Стихотворение можно отнести к одной из самых «ударных» вещей Иртенъева, не случайно автор неоднократно перепечатывал его в ряде последующих книг, в частности в сборниках *Елка в Кремле* (М., 1991), *Империя добра* (М., 1994), *Вдоль по жизни* (Иерусалим, 1996), *Ряд допущений* (М., 1998)² и другие.

2.

Стихотворение «Сюжет впотьмах» насыщено разнообразными игровыми приемами, благодаря которым банальные поэтические клише («ночь...», «грусть на душе...», «руки усталые...») получают неожиданную и яркую разработку.

Прежде всего, бросается в глаза обилие аллюзий: в десять четверостиший автор сумел вплести упоминания девяти чужих произведений — трех романов, драмы, четырех стихотворений (одно из которых является песней) и одного политического документа. Перечислим их в порядке появления в тексте (не названные прямо имена и тексты даем в квадратных скобках):

¹ (Иртенъев 1989: 18–19). Приведем издательскую аннотацию этого еще советского сборника: «Игоря Иртенъева смело можно назвать продолжателем традиций поэзии обериутов — Хармса, Введенского, Олейникова. Иртенъеву, как и обериутам, присуща остроумная, парадоксальная манера мышления. Блестяще владея пародийными ходами, поэт создает гротескный, гипертрофированный мир среднего обывателя, чье сознание отравлено штампами массовой культуры. Вместе с тем стихи Иртенъева — это не просто сатирические стихи. Сквозь гротеск и ерничество проступает боль за человека, чувствуется, что автора ранит пошлость обыденного существования. И поэтому о нем можно сказать словами Арсения Тарковского: “Так елозит по экрану с реверансами, как спяну, старый клоун в котелке и, как трезвый, прячет рану под жилеткой из пике”» (Иртенъев 1989: 2).

² Мы цитируем стихотворение именно по этому изданию (Иртенъев 1998: 182–183). В этом сборнике «Сюжет впотьмах» стало заглавием одного из разделов, в который вошло 12 стихотворений. В 2000 году вышло 2-е издание этого сборника.

Строка	Аллюзия на произведение	Автор произведения
2	«Черный обелиск»	Ремарк
4	[«Пир во время чумы»]	[Пушкин]
7	«И вечер тедец...»	[Хлебников] ³
9–10	«Сурок»	[Гёте] + Бетховен (музыка)
13	[«Бородино»]	[Лермонтов]
23–24	[«Плаванье»]	[Бодлер] + [Цветаева (перевод)] ⁴
25–27	«В сторону Свана»	Пруст
28–29	[«Краткий курс ВКП(б)»]	[Сталин]
29–31	[«Пятнадцатилетний капитан»]	Жюль Верн
	Итого: 9 текстов (прямо названо 4 текста)	Итого: 11 имен (прямо названы 4 имени)

При желании можно обнаружить и другие тексты-прототипы, ведь *о ночи, склонившейся звезде, усталых руках* написаны тысячи строк, и поэтому подобные объекты априори опознаются читателем как нечто знакомое. Так, уже самая первая строка Иртеньева заставляет вспомнить строку Афанасия Фета: «Какая ночь, алмазная роса...»⁵. Или, например, к «Бородино» Лермонтова может отсылать одновременно и 13-я строка Иртеньева: «Не то, что нынешние мы...» (ср.: «*Не то, что нынешнее племя...*»), и 20-я строка: «Рукой усталой окунуть...» (ср.: «*Рука бойцов колоть устала...*»⁶).

Игровой контекст стихотворения задан и на лексическом уровне, — начиная с эмоционального просторечия «едрит твою!»; через комическую мотивацию («пиво пьет *поскольку* немец...»); через каламбурное обнажение демагогической функции слова «духовность», девальвированного в ельцинской России («Бетховен... не был *бездуховен...*»); через имитацию академического слога («никак... *мы...* не можем»); и, наконец, через инверсию сюжетообразующего эпизода из жюльверновского романа *Пятнадцатилетний капитан* («*компас в топор...*») и повтор первой строки-эвфемизма в финале.

³ Единственная прямая цитата — первая строка маленького шедевра Велимира Хлебникова: «*И вечер тедец, / И тополь земец, / И мореречи, / И ты, далече!*» (1921). Здесь и далее в цитатах курсив мой. — *А. Р.*

⁴ Ср. бодлеровские строки (1857) в переводе Марины Цветаевой: «Для отрока, в ночи глядящего эстампы <...> / В Цирцейных садах, дабы не стать скотами, / *Плывут, плывут, плывут* в оцепененье чувств, / Пока ожоги льдов и солнц отвесных пламя / Не вытравят следов *волишебницыных уст*» (Цветаева 2019: 246).

⁵ Из стихотворения «Как нежишь ты, серебряная ночь...» (конец 1850-х).

⁶ Ср. также с «Я люблю Ваши *руки усталые...*» («Сероглазочка», 1915) Александра Вертинского, однако это уже походит на натяжку.

Стоит отметить и концентрацию каламбуров в строках 27–29:

Марсельцы не забудут Пруста →	Марсель Пруст
...курса / ВКП(б), что Верном был →	[«Краткий курс ВКП(б)»] [Жюль] Верн Верн[ы]м курс[ом]

Для речевой повседневности советского человека «курс ВКП(б)» в связи с прилагательным «верный» мгновенно ассоциировался с эпохальным сталинистским трудом *Краткий курс ВКП(б)* (1938)⁷, а также с политической риторикой пропаганды и визуальной агитации, актуальной для нескольких поколений граждан СССР. Хрущевская десталинизация вывела фразеологизм «верный курс» на новый виток массового употребления, увязав его с возвратом к «ленинским заветам» и используя в официальной риторике по любому поводу — от борьбы за мир и освоения космоса до пропаганды социалистического соревнования в различных отраслях экономики. Репрезентативным примером могут выступить вирши, напечатанные на агитплакате 1976 года: «Страна дорогой ленинской идет — и нет *вернее курса*, нами взятого. По зову сердца выполнит народ решения Партсъезда двадцать пятого». Ленинский курс в риторике последнего советского 30-летия — это ни что иное как единственно верный курс к коммунизму. Речевой мем «верный курс», либо «верным курсом» был не только слуховым фоном советской повседневности («серым шумом» в теле- и радиоэфире), не только непременным фразеологизмом в партийных циркулярах, газетно-журнальных репортажах и публицистике, но встречался советскому человеку и в виде плакатов, вырубленных в граните и отлитых в металле лозунгов, в виде заглавий на обложках книг, в виде топонимов, названий колхозов и т. п. (приводим в Приложении восемь иллюстраций в качестве примеров визуального фона эпохи).

⁷ Полное название издания: *История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): Краткий курс* (М., 1938). Эта книга стала важнейшим инструментом индоктринации советских граждан и в течение 20 лет подлежала обязательному изучению в средней и высшей школе. Первоначально опубликованный в газете *Правда* (в десяти номерах) в сентябре 1938 года, в конце года *Краткий курс* был издан в виде книги тиражом в 1 миллион экземпляров. С 1938 по 1956 год *Краткий курс* переиздавался 301 раз на русском языке, совокупным тиражом 43 миллиона экземпляров. Также книга издавалась в переводах на 67 других языков и общий тираж составил более 60 миллионов экземпляров (см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Краткий_курс_истории_ВКП%28б%29). В процессе переизданий истории партии (репрезентирующая историю всей страны) постоянно переписывалась, ибо вчерашние вожди партии и народа периодически объявлялись врагами и уничтожались. *Краткий курс истории ВКП(б)*, официально объявленный «энциклопедией философских знаний», превратился в новую, советскую, Библию. Он определил заучивание провозглашенных истин в качестве основного метода пропаганды и индоктринации масс. Прямым последователем этой оруэлловской книги следует признать *Маленькую красную книжку* Мао Цзедуна — так называемый *Цитатник Мао*, впервые изданный китайской компартией в 1966 году, чей тираж приблизился к сюрреалистической цифре в один миллиард экземпляров в течение пяти лет.

Вернемся к нашему «Сюжету впотьямах». Эффектное коллажирование в ткани стиха аллюзивных кодов приближает его к центону. Элементы центона встречаются в поэзии Иртеньева весьма часто (в том числе в виде инверсий), являясь его излюбленным приемом. Вот лишь три примера:

*Выхожу один я на дорогу
В старомодном ветхом шушуне,
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
Впрочем, речь пойдет не обо мне.
На другом конце родного края,
Где по сопкам прыгают сурки,
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.*

.....
*Хорошо, что в юбочке из плюша,
Всем известна зренья остротой,
Вышла своевременно Катюша
На высокий на берег крутой.
И направив прямо в сумрак ночи
Тысячу биноклей на оси,
Рявкнула Катюша, что есть мочи:
— Ну-ка брысь отседа, иваси!*

.....⁸

Здесь почти без трансформаций апропрированы строки хрестоматийного стихотворения Лермонтова (1841), популярнейшей по сей день советской песни «Катюша» (1938; слова Михаила Исаковского, музыка Матвея Блантера), а также «Гамлета» Бориса Пастернака (1946). Еще одно стихотворение Пастернака, «Зимняя ночь», как и «Гамлет», входившее в цикл *Стихотворения Юрия Живаго*, порождает зачин иртеньевского стихотворения «Кончался век, XX век...», написанного в том же году что и «Сюжет впотьямах»:

*Кончался век, XX век,
Мело, мело во все пределы,
Что характерно, падал снег,
Причем, что интересно, белый.*

.....⁹

Подобных примеров можно привести множество, отметим лишь другой способ апроприации Иртеньевым классических претекстов — создание их пародийных вариаций. К таким относится стихотворение «Странный гость» (1979), созданное по мотивам знаменитого «Ворона» Эдгара По. Приведем в качестве иллюстрации две его финальные строфы:

⁸ Стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» (1996) — Иртеньев 1998: 180.

⁹ Стихотворение «Кончался век, XX век...» (1989) — Иртеньев 1998: 186.

.....
 Уловив мое смятенье,
 он шагнул вперед из тени:
 — Извините, вы Иртеньев?
 У меня к вам разговор:
 Мой кисет, увы, непрочен,
 а табак дождем подмочен,
 Что вы курите, короче?
 Я ответил: — «Беломор».
 — Боже мой, какой позор, —

 Прошептал он с возмущеньем
 и, обдав меня презреньем,
 Устремился по ступеням
 темной лестницы во двор.
 Хлопнув дверью что есть мочи,
 из подъезда вышел прочь он
 И исчез. Но с этой ночи
 не курю я «Беломор».
 Никогда. О, nevermore!¹⁰

Исследователями уже предпринимались попытки классификации разнообразных приемов апроприаций Иртеньевым хрестоматийных литературных текстов и языковых клише (Каунова 2013: 116–119); (Попкова 2007).

3.

В стихотворении «Сюжет впотьмах» 17 раз (!) использовано многоочие — графическое обозначение интонационной паузы. Кроме этого, не менее пяти раз встречается несовпадение ритмических и смысловых пауз (так называемый *анжанбеман*). В результате текст периодически становится неустойчивым, что избавляет его от банальности/предсказуемости и заинтриговывает читателя. Повествование приобретает определенное эмоциональное напряжение; в нем усиливается разговорная интонация.

Автор раз за разом одергивает себя (точнее, читателя): «При чем тут пиво...», «Тут опять отход от темы...», «Опять знакомо все до стопа...», «Не проще ль написать об этом...», имитируя тщетные попытки вернуться в *колею, русло, курс* и — *тему* — слово, которое, кажется, можно рассматривать и как музыкальный термин, особенно учитывая упоминание в тексте музыкального произведения на стихи Гёте — песни Бетховена «Сурок» (1796)¹¹.

¹⁰ Стихотворение «Странный гость» (1979) — Иртеньев 1998: 192.

¹¹ Отметим, кстати, что «сурок» (*marmotte*) у Гёте — это не столько зверек, сколько дорожная котомка. Иртеньев же, говоря, что сурок спит «без задних ног», не учел это значение. Примечательно, что Иртеньев вновь помянул бетховенского сурка в стихотворении «Елка в Кремле», которое первоначально вошло в одноименный сборник 1989 года: «Объявлен Новый год в Кремле/Декретом ВЧК./Играет Ленин на пиле/Бессмертного “Сурка”. <...> // Метет, метет по всей земле/Железная метла,/Играет Ленин на пиле,/Чудны его дела. <...> // На хорах певчие блюют,/И с криками “ура!”/Часы на Спасской башне бьют / Бухие любера» (Иртеньев 1998: 143–144).

Отметим выразительную тавтологию в строках 34–36:

Короче ночь... чем день зимой...
 Зимой короче день, а летом
 Короче ночь... Но, боже мой...

Ориентируясь на смысловые паузы, мы можем записать эти строки иначе, чтобы наглядно увидеть, как пагубно отражается на тексте исчезновение рифмы, метра и ритма:

Короче ночь, чем день зимой.
 Зимой короче день, а летом короче ночь...

Ночь является лейтмотивом стихотворения, это самое частотное слово: оно не только используется пять раз (в строках 1, 15, 34, 36, 41), а также пятикратно анаграммируется (в строках 4, 12, 19, 21 и 32), но и имеет такие инварианты как «вечер», «темец», «тьма» и «темнота».

Начиная с 34-й строки мы переходим к развязке: повтор темы «ночи» и темы «колеи, куда-то сносит все с которой» завершается полуцензурным восклицанием «едрит твою!», с которого стихотворение и начиналось. *Едрит твою!* — просторечное восклицание, «вид брани, иногда шутовой, при выражении удовольствия, восторга, возмущения»¹². Этот фразеологизм лишь один из целого ряда синонимичных эвфемизмов, среди которых наиболее частотен «едрит[ь] твою мать», где междометие ЕДРИТ способно выражать любую эмоцию (ср.: едрить тебя некому, едрит твою за ногу, едрит тебя в дышло, едрит тебя в Мадрид и др.).

Итак, перед нами кольцевая структура, первая и последняя строка стихотворения полностью совпадают. Мы сделали круг и вернулись к тому, с чего начали. Хожение по замкнутому кругу, блуждание в потемках, топтание на месте, тщета усилий — не есть ли это эзоповская проекция представителя поколения брежневского «застоя»? Подчеркнем, что финальное четверостишие воспроизводит и кольцевую схему рифмовки (АВВА) и одну из пар рифм начального четверостишия.

На уровне фонетики заметна концентрация звуков «О» сначала в самом центре стихотворения (строки 20–22), а затем в его финале (строки 33–36 и 39–40); при этом рекордное количество «О» содержится в 10-й строке:

	Строки	Текст	Кол-во «О»	Доля «О» в строке
Завершение первой части	10	Т ^О т, О ^т к ^О т О ^р О ^г О Бетх ^О вен	7	33%

¹² См.: (Федоров 2008). Словари допускают происхождение этого фразеологизма от устаревшего диалектизма «ядреть» — зреть, наливаясь соками, полнеть, набухать (Елистратов 2000).

	Строки	Текст	Кол-во «О»	Доля «О» в строке
Центр	20–22	РукОй усталОй Окунять ПерО в чернильницыНО лОнО?... Опять знакОмО всё[О] дО стОна...	13	20%
Финал	33–36	И тОт пОтОм недОлгО жил. КОрОче нОчь... чем день зимОй... ЗимОй кОрОче день, а летОм КОрОче нОчь... НО, бОже мОй	19	23%
	39–40	Куда-тО снОсит всё[О] с кОтОрОй РукОй увереннОй и скОрОй	10	23%

Стоит отметить также наличие двух пар однотипных тройчаток-зияний (*hiatus*'ов) и в центре стихотворения и в его финале:

«РукОй УсталОй Окунять...» (строка 20);
«РукОй УвереннОй И скорой...» (строка 40).

Претекстом стихотворения «Сюжет впотьмах» можно признать детский шедевр Сергея Михалкова «Чистописание», впервые опубликованный в *Литературной газете* (1958. 7 октября) и впоследствии десятки раз печатавшийся в авторских и коллективных сборниках. Это стихотворение было знакомо едва ли не каждому советскому ребенку, оно иллюстрировалось многими художниками и записывалось на грампластинках (автор этой статьи выучил стихотворение Михалкова в шестилетнем возрасте именно с грампластинки). Герой стихотворения, малыш 6–7 лет, тоже топчется на месте (как и повзрослевший герой стихотворения Иртеньева), пытаясь написать без помарок фразу «Дает корова молоко». Текст Михалкова характеризуется столь же высокой концентрацией буквы «О» — 105 букв, или 14,6% от количества букв в стихотворении (если дифтонг ё=йо считать как «О»):

ЧИСТОПИСАНИЕ

Писать красивО не легко:
«Да-ё[О]т кО-рО-ва мО-лО-кО».
За буквОй буква, к слОгу слОг.
Ну хОть бы ктО-нибудь пОмОг!
Сначала «да», пОтОм уж «ё[О]т».
Уже написанО «даё[О]т»,
Уже написанО «даё[О]т»,
НО тут перО бумагу рвё[О]т.
Опять испОрчена тетрадь —
Страничку надО вырывать!
Страничка вырвана, и вОт:
«КО-рО-ва мО-лО-кО да-ё[О]т».
«КО-рО-ва мО-лО-кО даё[О]т»,
А нужнО всё[О] наОбОрот:
«Даё[О]т кО-рО-ва мО-лО-кО»!

ВздОхнё[О]м сначала глубОкО,
 ВздОхнё[О]м, стрОку перечеркнё[О]м
 И делО занОво начнё[О]м.
 «Да-ё[О]т кО-рО-ва мО-лО-кО».
 ПерО цепляется за «кО»,
 И клякса чё[О]рная, как жук,
 С кОнца пера спОлзает вдруг.
 ОднОй секунды не прОшлО,
 Как скрылись «кО», и «мО», и «лО»...
 Ещё[О] Одну страничку вОн!
 А за ОкнОм сО всех стОрон:
 И стук мяча, и лай щенка,
 И звОн какОгО-тО звОнка, —
 А я сижу, в тетрадь гляжу —
 За буквОй букву вывОжу:
 «Да-ё[О]т кО-рО-ва мО-лО-кО»...
 Да! Стать учё[О]ным не легкО!

Другой претекст, впрочем, вряд ли реально востребованный Иртеневым, разительно близок к его стихотворению. Речь идет о миниатюре Даниила Хармса, построенной ровно на таких же запинках, сбоях речи, повторах, опровержениях самого себя и, что важно, на подрыве литературного канона:

СОН ДВУХ ЧЕРНОМАЗЫХ ДАМ

Две дамы ~~снят~~, **а впрочем нет**,
 не ~~снят~~ они, **а впрочем нет**,
 конечно ~~снят~~ и видят сон,
 как будто в дверь вошел Иван,
 а за Иваном управдом,
 держа в руках Толстого том
 «Война и мир», вторая часть...
А впрочем нет, совсем не то,
вошел Толстой и ~~снял~~ пальто,
 калоши ~~снял~~ и сапоги
 и крикнул: Ванька, помоги!
 Тогда Иван схватил топор
 и трах Толстого по башке.
 Толстой упал. Какой позор!
 И вся литература русская в ночном горшке.

19 августа 1936

(Хармс 1997: 282–283)

Стихотворение создано в атмосфере грандиозной компании празднования 100-летия со дня смерти Пушкина, организованной в сталинском СССР в 1936/1937 годах. Хотя сам Пушкин никак не фигурирует в тексте, его субститутотом предстает другой классик-титан — Лев Толстой, четырехкратно упомянутый в пятнадцати строчках, наряду с Иваном/Ванькой

и безымянным управдомом (субститутотом власти). Навязчивые повторы и самоопровержения в маленьком шедевре Хармса («...спят, а впрочем нет, не спят они, а впрочем нет, конечно спят <...>. А впрочем нет, совсем не то <...>») приводят к нештучной развязке: скатологическо-сортирному падению в бездну — то есть отмене всей русской литературы...¹³

Подробному анализу и интерпретации стихотворения Хармса, в том числе его политическим проекциям, мы посвятили специальную статью, в соавторстве с Анной Сергеевой-Клятис (Сергеева-Клятис, Россомахин 2015: 723–735). Один из скрытых смыслов этого стихотворения — пародирование «Второй баллады» (1930) Бориса Пастернака.

Подведем итоги. Но сначала дадим слово самому Иртеньеву, приведем его поэтическую самоаттестацию 1995 года:

Стихи мои, простые с виду,
Просты на первый только взгляд
И не любому индивиду
Они о многом говорят.
Вот вы, к примеру бы, смогли бы
В один-единственный присест
Постичь их тайные изгибы
И чудом дышащий подтекст?
.....
В них разом густо, разом пусто,
А иногда вообще никак,
Но всякий раз из них искусство
Свой подает товарный знак...

(Иртеньев 1998: 76).

Стихотворение Игоря Иртеньева «Сюжет впотьмах» можно рассматривать не только как ироническую игру с читателем, не только как травестийную рефлексию «брежневского поколения» андеграунда, но и как превосходную имитацию так называемого «фонового сознания», ведь человеку свойственно проживать одновременно множество мыслей, львиная доля которых не фиксируется сознанием и не реализуется в действиях. И в этом смысле можно говорить о наличии в стихотворении своеобразной полифонии.

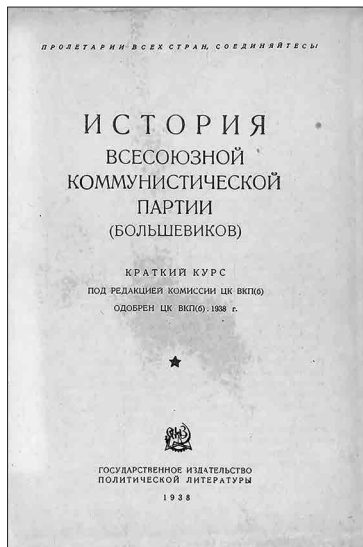
С другой стороны, стихотворение имитирует процесс своего создания, то есть сам процесс поэтического отбора вариантов в режиме реального

¹³ Финальная строка Хармса отсылает к сюжету Гофмана «Klein Zaches, genannt Zinnober» (1819): всемогущий министр Цахес, пребывавший на вершине власти и перевозившийся придворными льстецами до небес (ничтожный Крошка-Цахес, в котором видят одаренного всеми талантами красавца) — позорно окончил свои дни *в ночном горшке* (Гофман 1978: 110). Таким образом, текст Хармса представляет собой проекцию на официально насаждаемые властью каноны — и подрывает их, в ернической манере заявляя об их неадекватности.

времени, демонстрируя читателю те якобы тупиковые ходы авторской мысли, которые как бы не укладываются в прокламируемую «тему / русло / курс / колею» (иными словами, стихотворение представляет собой автореференциальный текст, сосредоточенный на самом себе). Иртеньев заостряет ситуацию до предела: в своем стремлении адекватно передать все оттенки восхитившей лирического героя ночи, он (вместе с героем) приходит к отрицанию всякой рефлексии как уже неоригинальной, вторичной, избитой. И теперь уже мы, вслед за автором и героем стихотворения, вполне соглашаемся с тем, что необозримый контекст лаконичного (и по сути, дзэнского) эвфемизма «Едрит твою!» легко перекрывает любые слова, которые можно произнести по поводу русской ночи...

Приложение

**«Верный курс» как речевой и визуальный мем
периода 1960–1980-х годов**

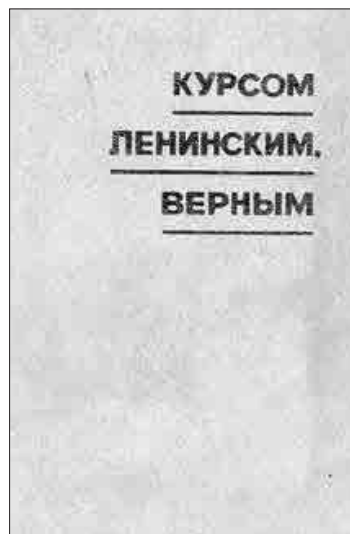
Титульный лист первого издания *Краткого курса ВКП(б)* (М., 1938).

Н. Долгоруков. «Верным курсом». Из альбома *За мир, за светлое будущее народов* (1962).

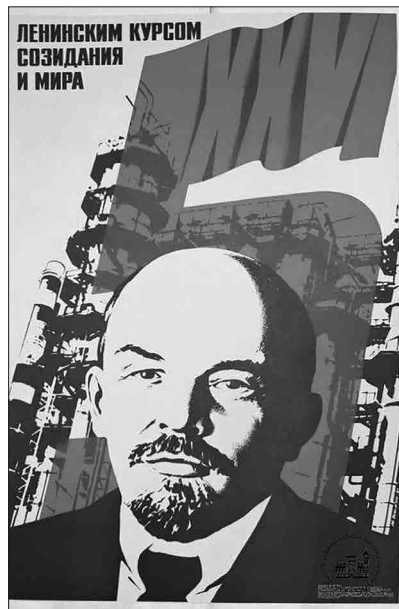
В. Брискин. «Верным курсом!»
Плакат из цикла
«Пролетариат в борьбе» (1972).

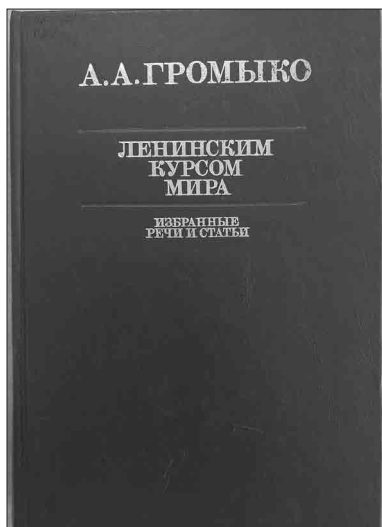
Обложка сборника *Курсом ленинским, верным: Говорят делегаты XXVI съезда КПСС* (Саранск, 1981).

Б. Березовский. «Ленинским курсом к победе коммунизма!» Плакат (1962).

М. Гетман. «Ленинским курсом созидания и мира». Плакат (1981).

Обложка книга А. А. Громыко
*Ленинским курсом мира:
Избранные речи и статьи* (М., 1984).

Набор диапозитивов
«Ленинским курсом мира
и мирного сосуществования» (1987).

ЛИТЕРАТУРА

- Гофман Э. Т. А. *Маленький Цахес по прозвищу Циннобер*. Перевод С. Апта. Москва: Детская литература, 1978.
- Елистратов Владимир. *Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений*. Москва: Русские словари, 2000.
- Иртенев Игорь. *Попытка к тексту: Стихи*. Москва: Московский рабочий, 1989.
- Иртенев Игорь. *Ряд допущений: Стихотворения*. Москва: Независимая газета, 1998. (2-е изд.: 2000).
- История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): Краткий курс*. Москва: ОГИЗ, 1938.
- Каунова Екатерина. «Текстовая аппликация как фигура интертекста (на материале поэтических произведений И. Иртеньева)». *Известия Волгоградского государственного педагогического университета* 9/84 (2013): 116–119.
- Попкова Наталья. *Доминанты идиостиля поэта-ирониста (на материале текстов Игоря Иртеньева)*: Диссертация ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
- Сергеева-Клятис Анна, Россомехин Андрей. «Кто оказался в “ночном горшке”? Д. Хармс и Б. Пастернак — к вопросу о литературной пародии». *Russian Literature. Special issue «B. L. Pasternak»* 78/3–4 (2015): 723–735.
- Федоров Александр. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. 3-е изд., испр. Москва: АСТ — Астрель, 2008.
- Хармс Даниил. *Полное собрание сочинений*. В 4 т. Т. 1. Составитель и автор примечаний В. Н. Сажин. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997.
- Цветева Марина. *В лучах рабочей лампы: Собрание поэтических переводов*. Составитель Е. Б. Коркина. Москва: Бослен, 2019.

LITERATURE

- Elistratov Vladimir. *Slovar' russkogo argo: Materialy 1980–1990 gg.: Okolo 9000 slov, 3000 idiomaticheskikh vyrazhenij*. Moskva: Russkie slovani, 2000.
- Fedorov Aleksandr. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. 3-e izd., ispr. Moskva: AST — Astrel', 2008.
- Hoffmann E. T. A. *Klein Zaches, genannt Zinnober*. [Malen'kii Tsakhes po prozvisshchu Tsinnober]. Perevod S. Apta. Moskva: Detskaya literatura, 1978.
- Irten'ev Igor'. *Popytka k tekstu: Stikhi*. Moskva: Moskovskij rabochij, 1989.
- Irten'ev Igor'. *Ryad dopushchenii: Stikhotvoreniya*. Moskva: Nezavisimaya gazeta, 1998. (2-e izd.: 2000).
- Istoriya Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi Partii (bol'shevikov): Kratkii kurs*. Moskva: OGIZ, 1938.
- Kaunova Ekaterina. “Tekstovaya aplikatsiya kak figura interteksta (na materiale poeticheskikh proizvedenii Igor'a Irten'eva)”. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9/84 (2013): 116–119.
- Kharms Daniil. *Polnoe sobranie sochinenii*: V 4 t. Sostavitel' i avtor primechanii V. N. Sazhin. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1997. T. 1.
- Popkova Natal'ya. *Dominanty idiositilya poeta-ironista (na materiale tekstov Igorya Irten'eva)*: Dissertatsiya ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2007.
- Sergeeva-Klyatis Anna, Rossomakhin Andrey. “Kto okazalsya v „nochnom gorshke“? D. Kharms i B. Pasternak — k voprosu o literaturnoi parodii”. *Russian Literature. Special issue “B. L. Pasternak”* 78/3–4 (2015): 723–735.
- Tsvetaeva Marina. *V luchakh rabochei lampy: Sobranie poeticheskikh perevodov*. Sostavitel' E. B. Korkina. Moskva: Boslen, 2019.

Андреј Росомахин

КАКО ЈЕ НАПРАВЉЕН „СИЖЕ У ТАМИ“
(ПОВОДОМ ПРОБЛЕМА ОДРИЦАЊА РУСКЕ КЊИЖЕВНОСТИ)

Резиме

Рад је посвећен анализи песме Игора Иртењева „Сиже у тами“ (1989): она представља аутореференцијални текст који имитира процес свог настанка. Али истовремено, песма која садржи трагове свакодневног говора и ефектно колажирање алузија на антологијска дела књижевних класика, подрива читав патос литерарности и заправо га поништава. Лексичка понављања и кружна композиција оштроумно приказују кретање у затвореном кругу, стајање у месту, лутање у тами — што се може пројектовати на социокултурну ситуацију позног совјетског доба и „брежњевску генерацију“ андерграунда. Као директни формални еквиваленти Иртењевљевог малог ремек-дела истичу се песме Сергеја Михалкова (1958) и Данила Хармса (1936).

Кључне речи: Игор Иртењев, интертекст, пародија, инверзије цитата, Данил Хармс.